

НАУЧНО-ОБЫВАТЕЛЬСКОЕ ЗНАНИЕ – ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ МОДЫ?

В.П. Макаренко

*Заслуженный деятель науки РФ,
академик Академии педагогических наук Украины,
доктор политических и философских наук, профессор,
Южный федеральный университет*

Главная цель данной статьи – сведение воедино разрозненной проблематики для конституирования особого направления исследований, обозначенного в заглавии. Эта перспектива вытекает из логики моего научного поиска, в состав которой давно входят темы идеологической и политической бюрократии¹. Роль толчка при создании текста сыграл сборник «Мыслящая Россия». Начну с двух продуктивных констатаций, сделанных коллегами.

Во-первых, С.Кордонский зафиксировал феномен «научно-обывательского знания». Оно базируется на трех мифологемах: *объективности знания* – убеждении, что реальность классифицирована, проанализирована и в целом уже объяснена; *конструктивности реальности* – убеждении в том, что социальное устройство кем-то сделано, сконструировано; *управляемости социальными процессами* – убеждении о том, что жизнь управляема; можно и нужно принять единственно верное решение; власть имущие этого решения не принимают и им надо объяснить, кто виноват и кого надо наказать. Поскольку большинство ученых-гуманитариев разделяют такие убеждения, они такие же обыватели, как пенсионеры. Только их предрассудки выражаются калькированными с английских терминов словами.

Интеллектуальное сообщество современной России, – отмечает С.Кордонский, – это осколки аппаратов и экспертных институтов прежних и нынешних политических режимов (ЦК КПСС, Гайдара, Ельцина, Путина). Все они транслируют указанные мифологемы, мечтают вернуться во власть, заинтересованы в политических технологиях, а не знании. Так называемые «современные проблемы» базируются на одной и той же схеме: лоббисты

¹ См.: Макаренко В.П. Бюрократия и государство. Ростов-на-Дону, изд.РГУ, 1987; Бюрократия и сталинизм. Ростов-на-Дону, изд.РГУ, 1989; Статьи «Идеологическая бюрократия», «Политическая бюрократия» // Политология. Энциклопедический словарь. М., Publishers, 1993

формулируют общую проблему, исходя из частных интересов руководителей здравоохранения, судей, преподавателей и пр. Затем эта формулировка транслируется в правительство, которое выделяет ресурсы на решение. Создается рабочая группа, пишется законопроект, который через правительство поступает в парламент, после вступления которого в силу под видом реформ наступает ад кромешный. Мозговые центры исходят не из реальных проблем, которые надо и можно решать, а из моделей реальности хозяйствующих субъектов, заинтересованных только в распиле бюджета².

Во-вторых, Б.Капустин показал, что на развитии российской политологии отрицательно сказались коммерциализация и отсутствие критики как необходимого условия интеллектуальных инноваций (самые важные политические идеи всегда формировались теми, кто находился в оппозиции к статус-кво). Отсюда бесконечное топтание на парадигме «модернизации-либерализации-демократизации-глобализации». Большинство российских политологов используют третьесортный умственный материал советологии и постсоветологии, неспособны освободиться от злобы дня, выработать и сохранить дистанцию, нужную для критической рефлексии. Поэтому бесплодная оппозиция «западничества» и «славянофильства» опять воспроизводится в поле социогуманитарных знаний³.

Отсюда вытекает исходный вопрос статьи: как создать массив знания, невыгодного или неудобного ни большинству ученых-обывателей, ни властвующим кликам? Для ответа присмотрюсь к духовной ситуации.

Шаблоны мысли и строительные леса

Концепт «заинтересованного лакейства». В массе интеллектуальной продукции распространены два шаблона: типы европейского интеллектуала и русского (славянского) интеллигента противоположны; русская интеллигенция играет особую роль в гармонизации отношений между властью и обществом. Для полемики с этими догматами и создания альтернативного проекта интеллектуала я предлагаю использовать:

1. Концепцию П.Джонсона – английского историка либерально-консервативного направления. Он поставил вопрос: соблюдали ли прошлые и нынешние властители дум в своей жизни идеологии, которые вырабатывали и пропагандировали? Для ответа П.Джонсон проанализировал следующие проблемы: первообраз интеллектуала; критика государства; частная жизнь интеллигенции; генезис художественной, интеллектуальной и политической богемы; отношение интеллигенции к деньгам, насилию и истине. На основании анализа указанных проблем П.Джонсон показал: никакого существенного различия между европейскими интеллектуалами и русскими интеллигентами не

² См.: Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. Под ред. В.Куренного. М., 2006, с.27-34

³ См.: там же, с. 65-67

существует; феномен «заинтересованного лакейства» фиксирует сходство данных типов⁴.

2. Обоснованное Г.И.Абелевым понятие «альтернативной науки». В СССР сложилось альтернативное научное сообщество, которое не смешивалось с официальным научным сообществом по причине разных ценностей и судеб. Оно соединяло свободу с поиском истины, чувствами долга, совести и достоинства в их вечном надындивидуальном измерении⁵.

Политика как абсурд. Существует много пониманий политики. Я предлагаю:

1. В нормативном смысле использовать идею Х.Арендт о политике как сфере воплощения свободы, но дополняю эту идею антропологическим принципом политики: прежде всего речь идет о негативной свободе человека от своекорыстия, властолюбия и стремления к духовному господству⁶. Этот принцип позволяет сравнивать все существующие системы власти и государства, но ни одну из них не превращает в идеал или критерий для сравнения с другими. Пока неизвестно ни общество, ни группа людей, в этом смысле свободных. Тем хуже для них...

2. В дескриптивном смысле рассматривать политику как воплощение абсурда и привожу для обоснования множество гносеологических аргументов⁷. Здесь я хотел бы обратить внимание на следующие тенденции:

А) Уже существует первичная классификация всей истории России XX в. по датам газетных публикаций (от 1 января до 31 декабря) с точки зрения абсурда⁸. Абсурд имеет непосредственное отношение к повседневной жизни (по этому вопросу существует богатая литература) и к политике СССР: «... абсурд состоял в том, что если человек строил государственную промышленность, добиваясь ее эффективности, его обвиняли именно в развале промышленности; если он отвечал за обороноспособность страны, в процветании которой был единственный смысл его жизни, его обвиняли в подрыве армии, в работе на иностранные разведки, в продаже секретов тем державам, против которых строилась оборона. Если человек отвечал за развитие науки, подбирал наиболее способные кадры, создавал им условия для максимальной отдачи сил, его обвиняли в развале этой науки, в заведомом вредительстве и саботаже; если это был врач, боровшийся за жизнь своих пациентов, его заставляли признать, что подлинной его задачей было как можно скорее и как можно больше отправить людей на тот свет»⁹.

⁴ См.: Макаренко В.П. «Заинтересованное лакейство»: проблема сходства европейских интеллектуалов и русской интеллигенции // Гуманитарный ежегодник. Москва-Ростов-на-Дону, 2008

⁵ См.: Абелев Г.И. Очерки научной жизни. М., Научный мир, 2006, с.274-279

⁶ См.: Макаренко В.П. Русская власть. Ростов-на-Дону, изд.РГУ, 1998

⁷ См.: Макаренко В.П. Аналитическая политическая философия: очерки политической концептологии. М., Праксис, 2002; Макаренко В.П. Политическая концептология: обзор повестки дня. М., Праксис, 2005

⁸ См.: Безелянский Ю. Огненный век. М., Пашков дом, 2001

⁹ Никитин А. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в советской России. Москва, Аграф, 2000, с.133

Стало быть, социальная и политическая история СССР может рассматриваться как процесс вырождения профессионализма во всех сферах деятельности, включая политику. Влияние этого процесса на постсоветскую реальность требует специального исследования¹⁰. Эмпирическим материалом может быть оппозиционная пресса, особенно циклы публикаций В.Шендеровича, А.Политковской, Т.Москвиной и других авторов¹¹.

Б) Существует также теория абсурда. Ее онтологические аспекты намечены в трудах Д.Зильбермана более тридцати лет назад¹². В Цюрихском университете в 2001 г. прошла конференция, результаты которой опубликованы и включают разделы: теория абсурда; абсурд и общество; репрезентация абсурда в визуальных искусствах; грамматика абсурда; абсурд и литература; абсурд в науке; абсурд и философская мысль; абсурд и мистическая мысль; абсурд в фольклоре; абсурд на исходе XX века¹³. Логическим продолжением этого ряда будет тема «Абсурд и политика».

Концепт моды. Существует множество видов рефлексии о моде. Я понимаю *моду* в соответствии с теорией Х.У.Гумбрехта. Он развивает идею Г.Зиммеля о конформистско-индивидуалистической природе моды, которая позволяет одновременно вписаться в общество и дистанцироваться от него. Для объяснения этого феномена Гумбрехт описал исторические свойства моды¹⁴ и вытекающую из них иллюзию: мода приводится в движение механизмами рынка и подчиняется воле его игроков.

Загадочность моды определяется следующими свойствами: временный, злободневный характер; мода не стремится оказаться в авангарде современности; модельеры балансируют на грани между настоящим и будущим. Как же модельеры угадывают вкусы будущего сезона? Гумбрехт на этот вопрос отвечает так: индустрия моды навязывает потребителю новые формы и цвета; все нововведения абсолютно произвольны, для их изобретения не требуется ни таланта, ни чутья; модельеры придумывают формы и цвета, которые в будущем сезоне увеличат единомыслие и объемы продаж.

В мире моды новизна считается абсолютной ценностью. Но такой подход появился лишь в романтизме начала XIX в. На деле мода подчиняется капиталистическому императиву: не предугадывать, а провоцировать новые

¹⁰ Но это не значит, что Российская империя была эталоном профессионализма, как пытается убедить нас целая серия книжной продукции под рубрикой «Империи». Противоположный ход мысли намечен в книге: Ливен Д. Российская империя и ее враги с XV1 века до наших дней. М., Европа, 2007

¹¹ См.: Шендерович В. Комментарий к событиям российской жизни (сентябрь-октябрь 2004 г.) // Континент. № № 118-136; Политковская А. За что. М., Новая газета, 2007; Москвина Т. Энциклопедия русской жизни. СПб, Амфора, 2008

¹² См.: Гурко Е. Модальная методология Давида Зильбермана. Минск, Экономпресс, 2007

¹³ См.: Абсурд и вокруг. Отв.ред. О.Буренина. М., Языки славянской культуры, 2004

¹⁴ Исторические свойства моды состоят в следующем: периодичность изменений доминантных форм одежды; направление изменений определяется не индивидами, а интуицией модельеров, обслуживающих рынок; модельеры представляют публике свои коллекции, которые должны вписываться в единый стиль, меняющийся от сезона к сезону.

желания и потребности у потребителей. В итоге индустрия моды завоевала мировой рынок и добилась безраздельного господства.

Отсюда вытекает парадокс: в мире моды социальное признание и экономический успех не противоречат эстетической ценности; но при выборе индивидуального стиля попытка идти против течения не считается признаком хорошего вкуса. Основа моды - код принадлежности-исключенности: «Концентрируя все внимание на поверхностных слоях постоянно обновляющегося мира, любители моды никогда не пытаются ничего в этих слоях объяснить. У моды нет смысла. Если бы мода была наделена каким-то поддающимся расшифровке смыслом, ее приверженцам не хватило бы быстроты реакции, чтобы все время оставаться внутри той сиюминутной реальности, которая задается правилами их любимой игры»¹⁵.

Для анализа данного парадокса в условиях России я предлагаю использовать идею В.Е.Кемерова, который описал особенности российской философской моды: неприязнь к логике - общее свойство русской и советской интеллигенции; равнодушие к методологии - общая характеристика профессиональных философов и обществоведов нескольких поколений, включая нынешнее; превалирование словесного творчества над анализом реальных проблем: «Журналисты, политики и чиновники постоянно говорят об исправлении общества, наведении порядка, сохранении единства России. Однако порядок, единство общества, сила государства – это *слоганы* из предвыборного жаргона, равно используемые различными политическими движениями. Порядок, единство общества и сила государства – это *проблемы*, которые еще нужно поставить перед людьми. Но для этого российской философии необходимо *разорвать дистанцию* (курсив мой, В.М.) с обыденным жаргоном и журналистской попсой»¹⁶.

Эти констатации позволяют сформулировать общий вопрос: как «заинтересованное лакейство» проявляется в современной России и влияет на ее интеллектуализм? Для ответа на вопрос, анализа интеллектуально-политических мод и механизмов их воспроизводства я предлагаю использовать следующие положения теории моды: индустрия моды *навязывает* потребителю мнимо-новые формы интеллектуальной продукции; эти нововведения *произвольны*, изобретаются бездарями на вершине институтов производства идей и политико-мировоззренческих технологий; бездари-модельеры работают ради увеличения *единомыслия* граждан и *роста объема продаж* продуктов духовного производства; смысл большинства таких продуктов по меньшей мере дискуссионен.

Формы интеллектуальной продукции

¹⁵ Гумбрехт Х.У. Три загадки моды // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. Выпуск 1. Осень 2006, с.26

¹⁶ Кемеров В.Е. О философской моде в России // Вопросы философии. 2000, № 11, с.9

Уже в середине 1990-х гг. стало ясно, что в России под видом реформ воспроизводятся свойства советского прошлого: связь власти-собственности и появление новых социальных групп на основе ее передела; социальное расслоение; всевластие бюрократии; социальная несправедливость; безразличие власти к правам человека; зависимость социальной жизни от властных решений; компромисс между коммунизмом и национализмом; связь историографии и социальных наук с политикой и идеологией¹⁷.

На протяжении 1990-х гг. в духовной ситуации обозначилось несколько тенденций: заимствование западных концепций; воспроизводство учений и доктрин из политического и духовного прошлого страны; поиски религиозной и национальной идеи. Книжные лотки и научные журналы переполнены писаниной на эти темы¹⁸. В рамках указанных тенденций приобрели популярность множество интеллектуальных мод. Некоторые я рассмотрю.

Историософия – одно из суеверий Нового времени¹⁹. Однако оно до сих пор не разрушено. Г.Зверева показала, что в настоящее время существуют следующие способы изображения истории России: хроника (с претензией на безоценочность); публицистика (отрицание принципа историзма, произвольное обращение с понятиями, категоричность оценок); сближение историографии с фольклором и художественной литературой (апология мистики, использование быденного языка). Основой этих процедур служат разные концепции цивилизационной специфики России, содержание и реализация «русской идеи», «судьбы России». Стимулом такого изображения служит официальная концепция преемственности нынешней России с СССР и Российской империей: «В официозных дискурсах историософские «готовые формы» служат обоснованием геополитического позиционирования новой России при разработке идеальной модели многополюсного мира, аргументами в пользу ее особого положения между Западом и Востоком»²⁰. Эти шаблоны превращаются в новые догматы веры при поиске новой государственной идеологии.

В таком русле работают неолибералы, неоконсерваторы, неоевразийцы, традиционалисты-почвенники. Все они эклектично соединяют историософию особого пути России с избитой схемой политической историографии - описанием истории путем некритического соединения формационного и цивилизационного подходов. Большинство авторов обосновывают особую (цивилизационную, национально-культурную) идентичность России - выпадение из *нормы* при высоком духовном, нравственном, интеллектуальном,

¹⁷ См.: Геллер М. История России. 1917-1995. В 4-х тт. Россия на распутье. 1990-1995. Т.4. М., Наука, 1996, с.109; Игрицкий Ю.И. Меняющаяся Россия как предмет концептуального анализа // Отечественная история. 1998, № 1, с.3-4; Согрин В.В. Историография и идеология: нерасторжимый брак? // Вопросы философии. 1996, № 8; Столович Л.С. Смех против тоталитарной философии: советский философский фольклор и самодеятельность // Звезда. 1997, № 7, с.222-223

¹⁸ См.: Маля М. Из-под глыб, но что?.. История западной советологии // Отечественная история. 1997, № 5;

¹⁹ См.: Бохеньский Ю. Сто суеверий. М., Прогресс, 1993, с.72-73

²⁰ Зверева Г. «Присвоение прошлого» в постсоветской историософии России: дискурсный анализ публикаций последних лет // Новое литературное обозрение. 2003, № 1/59, с.543

экономическом потенциале. Сюжет истории выстраивается из коллажа известных событий и персонажей. Но процедура «отнесения к известному» стирает дистанцию между исследователем и предметом и обуславливает легкость присвоения историческим понятиям произвольных значений, снимает проблему качественного и временного различия исторических событий. Для этого применяются стереотипы «уроки истории», «свое – чужое».

В историософии всегда присутствуют идеи континуальности событий, детерминизма (законы, закономерности, причинно-следственные связи), иерархической структуры «мирового исторического процесса» (цивилизации, эпохи, века, периоды, этапы), исторических типов и вневременных аналогий. Совмещение религиозно-этического, национально-культурного, национально-государственного, державно-имперского, геополитического измерений облегчают выбор и легитимацию базовых концептов и дискурсов. А стремление к правдоподобию реализуется за счет популярных политико-идеологических и социально-культурных концептов, которые выдаются за онтологические сущности.

Указанные построения неverifiedируемы, нефальсифицируемы, самореферентны. Они используют старые схемы советского обществоведения - идеализм, провиденциализм, прогрессизм, мессианство, дидактика. Ссылки на модных авторов (от славянофилов и западников до Н.Бердяева и евразийцев) служат знаками концепций. Рабочие операции авторов в пространстве современных «историософских» («цивилизациологических») текстов – перекрестное цитирование и самоцитирование, использование непроблематизируемых слов-концептов и общей риторики – создают у читателя впечатление, что он приобщился к новому нормативному знанию. Используются стереотипы обыденного языка, знания и метафоры, что усиливает эффект реальности для потребителя текстов²¹.

Новая историософия произвольно определяет смысл нескольких вербальных конструкций (Киевская Русь, принятие христианства, византизм, татаро-монгольское иго, ордынство, Московская Русь, Смута 1, петровская Россия, екатерининская Россия, самодержавие, Смута 2, сталинизм, Смута 3). При этом транслируется привычка мыслить в идеальном пространстве и условном времени (мировая, всеобщая история) и внеисторических клише (Россия, Запад, Восток, Азия, Европа).

Концепт российской цивилизации подразумевает некое онтологическо-телесно-духовное целое. Ее антропоморфизация осуществляется путем использования органицистских и биологических метафор (Гердера, Данилевского, Ильина, Бердяева, Гумилева и т.д.) для обоснования идеи единства российского суперэтнуса как тела Российского государства:

²¹ Например, прилагательное «русский» автоматически придает существительному новое значение. В либеральных концепциях слово «русский» прилагается к универсалиям (система, власть, популяция) и должно их преобразовать в новые (не западные) понятия. У неоевразийцев и традиционалистов-почвенников это слово приобретает статус сакрального.

«Формируется апологетическая мысль о преемственности феноменов Державности и Империи в метаисторическом движении/восхождении Российской цивилизации через циклы»²². Тело государства персонифицируется в ряде личностей, а российская цивилизация сопрягается с телом русского народа в оппозиции к Западу.

Из этих посылок вытекают следствия: отказ от идеи прогресса (теории догоняющей модернизации), поскольку Россия не может подтвердить свое величие и державность социально-экономическими показателями; апология циклического развития в рамках самоорганизующихся и самовоспроизводящихся территориальных, конфессиональных, духовно-психологических целостностей; опора на миф о коллективно-историческом, уникальном опыте народа, который выражается в «духовном складе», «национальном характере»; анализ настоящего и будущего государства и общества через культурно-историческое измерение.

Указанные процедуры выполняют полицейско-охранительную роль: «Новая *историография* ориентирована на поддержку атрибутов нового национального государства. Это выражается в активном использовании и семантической нагруженности концептов национальной культуры, менталитета, церкви, государства, державы, империи. Таким образом, она имеет «выходы» в современную социально-политическую практику и выглядит вполне прагматичной... В дискурсах отчетливо просматриваются связь новой «историософии» с «русским проектом» федеральной власти: постулируемая моноэтничность новой России подкрепляется идеей православной цивилизации, приверженности народа особым духовным и нравственным константам, которые якобы с древности определяют национальный (народный, общероссийский) характер, в том числе – такие его черты, как коллективизм, соборность; идея сильной вертикальной исполнительной власти и неактуальности концепта «гражданское общество» для России исходит из тезиса о переходности и пограничности российской цивилизации (третий путь), из исторического опыта Власти как системообразующего начала и из отказа от идеи «модернизации второго эшелона»; геополитические проекты многополюсного мира подтверждаются актуализированными неоевразийскими построениями, которые переводятся в практическую плоскость»²³. Причем, большинство историков считают эти тенденции нормальными.

Итак, общие свойства постсоветской историософии состоят в следующем: методологическая неопределенность и охранительный характер; под видом новых выступают старые концепции, поскольку они идеологически близки власти, а в редуцированном виде не отличаются от формационного подхода, приправленного либеральной лексикой; имитация идеологического консенсуса, которого нет в российском интеллектуальном сообществе; отсутствие

²² Зверева Г. Указ.соч., с.549

²³ Там же, с.553-554

критериев взаимных оценок и продуктивного диалога. «В конечном счете построения новой *историософии* в постсоветской России выглядят попытками генерации и закрепления такого научно-публичного дискурса, который претендует на академическую нормативность в изменяющемся пространстве социально-гуманитарного знания и одновременно, в условиях становления российской государственной идеологии, стремится принять на себя властные догматические функции в общественной сфере и образовании»²⁴.

Н.А.Косолапов показал, что в этом дискурсе геополитика (далее ГП) занимает одно из главных мест и описал ее свойства²⁵.

1. Отрицание развития. ГП рассматривает историю как броуновское движение и непрерывную смену гегемонов. Формационный подход считает развитие неизбежным, цивилизационный - допустимым (у каждой цивилизации своя дорога; развитие состоит из множества дорог; все идет в разных направлениях). ГП исключает всякую магистраль развития.

2. Объяснение движущих сил внешней политики государств и динамики международных отношений (далее МО) множеством факторов (географическое положение, размеры, климат, топография, природные ресурсы, демография, уровень технологического развития, военно-экономический потенциал). В период появления ГП господствовала история дипломатии, всеобщая история (реестр войн и договоров) и нормативно-правовой подход. ГП (наряду с марксизмом и политическим реализмом О.Бисмарка-М.Вебера) была одним из направлений критики нормативного подхода. Но идеи классиков англо-американской ГП не подтвердились опытом политического развития в XX в. Только после распада СССР США обретают возможность контроля над мировым океаном.

3. Использование науки для обслуживания целей и интересов государства. По этому пути пошла германская ГП, в рамках которой родилась концепция «жизненного пространства». После прихода Гитлера к власти К.Хаусхофер стал советником по внешней политике. К чему привели эти советы – известно.

ГП не объясняет истории, а выступает апологетом внешней политики империй (Великобритании, Германии, России, США) и предшествует официальным политико-стратегическим доктринам второй половины XX в. ГП пытается объяснить только межимперские отношения эпохи. Но имперские правящие клики и специалисты-геополитики всегда пренебрегали интересами населения, проживающего в регионах противоборства империй. Эффективность политики в истории зависела от стихийного равновесия интересов империй. В настоящее время США оторвались от всех и претендуют на глобальную империю. А глобальная империя отрицает ГП: «...мир перерос имперские формы организации физического и социального пространства, а тем самым и геополитику; геополитическая модель неприменима более к описанию

²⁴ Зверева Г. Указ.соч., с.556

²⁵ См.: Косолапов Н.А. О месте политики в эпоху глобализации // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2003, № 4, с.128-151

и пониманию реалий сегодняшнего и завтрашнего мира. Обращение к геополитике означает в духовном смысле риск очутиться среди идейной реакции, а в практическом – опасность обречь внешнюю политику своей страны в лучшем случае на неэффективность, в худшем – на тяжелейшие стратегические просчеты»²⁶.

В этом контексте и возникла идея глобализации. Речь идет о следующих процессах: формирование целостной экономики, опирающейся на транснациональные банки и корпорации как субъектов экономических отношений; международно-политическое оформление целостности ведет к дальнейшему ограничению суверенитета государств, занимающих второе и последующие места в фактической иерархии субъектов МО; стремление США и Англии воспользоваться этими процессами. После распада СССР ушла в прошлое дихотомическая модель глобализации. Она базировалась на военно-политическом и военно-экономическом противоборстве либерализма и коммунизма - крайних течений западной общественно-политической мысли и практики. Но в последние десятилетия рушится также Вестфальская система с идеей суверенитета и глобальной суперимперии Габсбургов, основанной на единстве светской и духовной власти. Снова повышается роль идеологий и религий. Размываются признаки государства как субъекта МО. Возникает мировая политика с новыми субъектами (транснациональные банки и корпорации, международные организации, политические движения и союзы, международная организованная преступность).

Политико-стратегическая глобализация - это процесс формирования супранациональной общности, нормы и правила которой претендуют на приоритет над государственными. Эта общность складывается под влиянием: экономического обмена стран, транснациональных корпораций, коллективного нормотворчества; желания самой развитой части мира сделать процесс глобализации контролируемым; интересов и идей одного субъекта глобальных отношений. После 2000 г. США возглавили третий процесс. Они хотят воплотить идею Габсбургов - создать суперимперию и построить глобализацию на неоимперских началах. Возникает система глобального неформального господства США в мире – глобализация по понятиям, а не по международному праву.

Отсюда вытекают общие тенденции глобализации: одновременная ликвидация и распространение Вестфальской системы МО на весь мир; словесное признание и реальное ограничение суверенитета государств; МО номинально остаются светскими (не подвластными церкви и идеологии), а на практике реидеологизируются; законным признается только то, что укладывается в формулу «экономический либерализм – политическая демократия – военно-политический союз с Западом – вера в Бога»; вся эта связка и каждая ее часть есть идеология, утверждаемая в мире с мессианской

²⁶ Косолапов Н.А. Указ.соч., с.138

самонадеянностью и фанатизмом; словесная терпимость к нехристианам на практике обостряет конфликт с мусульманами; стремление США и НАТО реализовать идею суперимперии. «Если ... эта идея окажется реализованной, глобально-имперский миропорядок постигнет судьба всех его предшественниц-империй: продержавшись некоторое время, он будет взломан силами внутренней трансформации и надолго уступит место господству субглобализационных явлений и процессов всех типов и уровней»²⁷. Тем самым понятие «*многополярного мира*» научно бессодержательно.

В настоящее время идет борьба трех моделей глобализации: стихийно-демократической (охлократический антиглобализм); олигархической (члены большой восьмерки и ЕС); авторитарной («программирующее лидерство» США). Эти модели осложняются становлением мирового общества (*world society*) и международного сообщества (*international community*). Субъектами первого выступают государственные элиты, второго – международные организации. Из-за переплетения интересов данных субъектов измена Родине стала универсальной.²⁸

Положение локальных элит двусмысленно: они первыми приобщаются к благам глобализации и действуют в ущерб интересам своих стран и народов; они зажаты в «клещи» между требованиями местных ортодоксов сохранять уклад, веру, традиции и образ жизни и требованиями мирового сообщества все больше открывать глобализации экономику и социальные отношения своих стран. Эти элиты коррумпированы, заняты выяснением отношений кланов и группировок, разжигают конфликты на этнической почве. Так вели и продолжают себя вести союзная и республиканские элиты накануне и после распада СССР. И такое поведение локальных элит – благо и цель для любых империй.

Глобальные элиты тоже стимулируют конфликты, связанные со стремлением удержать на долгую перспективу роль государства-лидера в системе МО. Они культивируют разрыв между лидером и ближайшими к нему странами и сползание все большего числа стран в состояние торможения, нулевого развития и регресса²⁹. Провоцируют и создают направляемые конфликты для построения глобального миропорядка («программируемое лидерство» США дополняется «просвещенным неокOLONиализмом» ЕС).

²⁷ Там же, с.144

²⁸ «Человек, личные накопления которого связаны с мировой экономикой и часто размещены за границей и/или в иностранной валюте; администратор, назначение и функции которого подчинены внутренним правилам транснациональной корпорации или существенно связаны с ними; политик, обязанный принимать во внимание не только интересы своего электората внутри страны, но и позиции различных сил и тенденций в мире; режим, легитимность которого изначально связана или в реальном масштабе времени во многом зависит от сил и процессов внешнего мира – все эти и подобные им явления, массовые и заурядные в мире даже уже последней четверти XX в., были бы немыслимы в системе геополитических отношений и несовместимы с ней, рассматривались бы в системе этих отношений однозначно как измена «своей» стране». Там же, с.145

²⁹ Возникает риск «...бунта одичавшего большинства против резко и далеко оторвавшейся от большинства человечества «глобальной» элиты, к числу которой могут оказаться причислены не только отдельные социальные страны, но целые страны и народы». Там же, с.146

Одновременно во многих странах созрели силы, все громче призывающие: «Барин, приди и рассуди!». Новейшая волна колониализма движима снизу настоящими и будущими локальными элитами.

Отсюда вытекают следствия глобализации: ограничение суверенитета государств и сведение его к функциональным аспектам; рост полицейских функций государств; зависимость развития и стабильности от внешних инвестиций, из-за чего внешний мир может влиять на направление и темпы развития большинства государств; трансформация системы былых МО в глобальные и становление последних как нового вида социума, состоящего из государственных элит; приватизация функций государства (безопасность, оборона, социальная поддержка населения) транснациональными корпорациями, частными вооруженными формированиями и др.; международно-политическое оформление глобализации; попытка создания суперимперии США или развитого мира ЕС обречена на неудачу с труднопредсказуемыми последствиями; но эта попытка требует опоры на идеологию, подкрепляемой экономикой, технологией, военным делом, культурой, потребительским потенциалом ее носителей.

Н.А.Косолапов констатирует: в целом геополитика и глобалистика – важнейший признак того, что в мире наступила фаза глубокой, агрессивной и мощной идейно-политической реакции. Распад СССР не изменил систему МО, но стимулировал кризис левой идеи. С начала 1980-х гг. правые силы господствуют, а левые им прислужничают³⁰. Перспективы изменения данного положения вещей становятся все более туманными.

Основным звеном в идейно-политической реакции выступает культурно-цивилизационный подход (далее КЦП). Он породил горы литературы – от школьных учебников до научных монографий и политических речей. Авторы всей этой продукции пренебрегают общими характеристиками КЦП: он отражает кризис исторического познания, концепции рациональности, разрыв классической и современной теорий познания, гносеологии и аксиологии; его риторика смешивает научные, мифологические и спекулятивные утверждения; радикализирует противоположные типы рефлексии: история очищается с помощью понятий (культурно-исторические типы, цивилизационный процесс, мировая цивилизация и т.п.) или познание очищается процедурой понимающего описания с помощью понятий (душа, лицо, стиль культуры, текст, дискуссия, эпистема и т.д.); транслирует традиционное противопоставление фактов и ценностей; его философские послышки размыты, отвергают идеал истинности, отличаются многозначной семантикой.

КЦП - это идеология, выступающая средством рационализации и иррационализации противоречия между сущим и должным. Его познавательная функция включает универсалистские теории, тогда как адаптивная замыкается

³⁰ См.: Левые в Европе XX века: люди и идеи. М., 2001, с.398-425

в смыслах отдельных культур. Поэтому семантика и семиотика КЦП дуалистичны и тенденциозны. КЦП – модус сервиллизма науки перед властью³¹.

Кроме того, в постсоветской России культурология стала формой выживания философии. Отцы-основатели советской культурологии (С.Аверинцев, А.Гуревич, М.Петров и др.) разрабатывали ее для противостояния советскому официальному дискурсу. Большинство современных культурологов не могут выдерживать определенный дискурс и соответствовать философскому уровню анализа. Культурология методологически несостоятельна. Она - дитя тоталитарной системы идеологического воздействия. Для обозначения этих свойств КЦП В.Савчук ввел понятие «культурала», конечная цель которого - популярность, обретение власти. Культурал подписывается под чем угодно, лишь бы вызвать интерес у теле- и аудиоаудитории. Он обращен к массовому, а не профессиональному сознанию. Его сверхзадача – удержать внимание и удержаться в кадре. Ради прибыли символического капитала культурал готов на все: «Культурал - производное системы, сети режима актуальности»³².

Не менее важны политические следствия КЦП.

Концепт цивилизации – это *империализм фантазии*. Ренессанс делил Европу на север и юг, Просвещение - на запад и восток. Просвещенческая концепция цивилизации обосновывала колонизацию и захваты, устанавливая между землями вымышленную связь. «Прежде чем родиться на карте, Восточная Европа родилась в головах просветителей»³³. Восточная Европа и Россия как ее часть возникла как интеллектуальная конструкция - набор хаотических наблюдений, которые связывали воедино совершенно разные земли и народы.

Из Парижа Восточная Европа казалась идеальным полем для деятельности просвещенных монархов: деспотизм располагался на безопасном удалении, а философы могли помогать мыслью, советом и «планом цивилизации». Восточная Европа создавалась как опытное поле, где Просвещение могло претворять в жизнь свои социальные теории и политические мечтания³⁴. Интеллектуальное господство Просвещения выразилось и в наименовании народов Восточной Европы – они получали имя в результате скрещения этнографии, антропологии, фольклора и расовой теории. В результате древнее представление о существовании восточных варваров (скифы, сарматы, славяне) было перенесено в XVIII столетие. Тем самым «...дипломатия, картография и философия образовали треугольник, признавая, подтверждая и оправдывая друг

³¹ См.: Следзевский И.В. Эвристические возможности и пределы цивилизационного подхода // Цивилизации. Вып.4. М., 1997; Наука и квазинаука. Под ред. В.М.Найдыша. М., Альфа-М, 2008, с.262-263

³² Савчук В. Режим актуальности. Актуальная философия. Издательский дом СПбГУ, 2004, с.22

³³ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., НЛО, 2003, с.517

³⁴ В России все еще предстоит создать (по мнению Вольтера); разрушить и создать заново (по мнению Лемерсье); в любом случае это пространство открыто для любого, «кто пожелает составить правильный план для преобразования здешней формы правления» (по мнению Руссо).

друга... Изобретая Восточную Европу, Просвещение ... создавало культурный контекст для амбициозных проектов порабощения, осуществлявшихся и в ХУШ веке, и позднее»³⁵. Для поддержки завоевательной политики были мобилизованы английские, французские, немецкие и американские ученые. В ХХ в. такой подход к цивилизации развивали германские геополитики, американские культурологи (типа С.Хантингтона) и политологи (типа З.Бжезинского) и множество их последователей в сфере теории цивилизации.

Итак, деление Европы на Западную и Восточную – искусственный интеллектуальный продукт. «Восточная Европа» - это анахроничная, искусственная категория, хотя она до сих пор удобна по аналитическим и идеологическим соображениям. В современном Гарвардском университете воспроизводится стремление физиократов ХУШ в. разрабатывать рецепты для Восточной Европы и России.

В целом концепт цивилизации – иллюзия³⁶. Его влияние на мировой процесс колонизации и современную ситуацию в России детально исследовано М.Ферро³⁷. Я предлагаю дополнить его выводы результатами анализа имперских внешнеполитических идеологий³⁸. Между российской и западноевропейской территориальными экспансиями ХІХ в. существуют параллели: вслед за Британией и Францией Россия присоединяла земли, расположенные на другом континенте; оценивала завоеванные азиатские территории как отсталые и слабо развитые; ощущала собственную цивилизаторскую миссию; соперничала с другими европейскими колониальными державами.

Русская дипломатия в Азии ориентировалась на несколько идеологий:

1. Конкистадорский империализм - Азия рассматривалась как объект завоевания ради завоевания. Самым последовательным приверженцем этой идеи был Н.М.Пржевальский. Свои изыскания в Центральной Азии он считал «научной рекогносцировкой», предлагая повторить в этом регионе подвиги Кортеса с деньгами в кармане, штуцером в одной и нагайкой в другой руке, присоединить Монголию, Синьцзян и Тибет, воспользовавшись слабостью Китая³⁹.

³⁵ Там же, с.523-524

³⁶ Вольтер в письмах Екатерине II предлагал «упорядочить хаос» - как интеллектуальную и военную цель. И царица ее реализовала в путешествии: «Иллюзорные превращения деревенских хижин в дворцы, потемкинских деревень в город подчеркивали самую главную иллюзии екатерининского путешествия в Крым, иллюзию цивилизации». Там же, с.205

³⁷ См.: Макаренко В.П. Колониализм: взгляд из сегодняшнего дня // Общество и экономика. 2002, № 8-9

³⁸ См.: Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Идеологии империи в России имперского периода // Ab Imperio: теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2001, № 1-2, с.211-226. Под идеологией имеется в виду система идей о политике, обществе, поведении класса (группы), которая (система идей) оправдывает определенные действия.

³⁹ Например, при описании первого путешествия в Центральной Азии Пржевальский приводит такой эпизод. При встрече с местным князем тот начал расспрашивать про Россию: «Какая у нас религия, как обрабатывают землю, как делают стеариновые свечи, как ездят по железным дорогам и, наконец, каким образом снимают фотографические портреты. «Правда ли, - спросил князь, - что для этого в машину кладут жидкость человеческих глаз? Для такой цели, - продолжал он, - миссионеры в Тянь-дзине выкалывали глаза детям,

2. Восточничество – вариант славянофильской идеологии, в котором подчеркивалось азиатское наследие России. Идеологом этого движения был князь Э.Э.Ухтомский. Он считал, что два века владычества монголов сблизили Россию с Востоком. Русская душа ориенталистична, отторгает грубый материализм и одобряет автократическую власть. Русский царь – это современный хан. Ухтомский предлагал: воссоединить Россию с Китаем, поскольку Восток является слабым, отсталым и зависимым, а Запад воплощает зло республиканизма, атеизма и революции; отвергал военные средства – народы Азии сами тянутся к династии Романовых (в Азии для России нет границ, кроме необъятного синего моря); призывал к неограниченной экспансии на Восток ради единства России с Востоком перед лицом Запада. Эта идеология ушла под воду вслед за Балтийским флотом в Цусиме. Но после революции возродилась в «евразийстве», которое сегодня тоже существует в России.

3. Мирное проникновение – рост влияния России на Востоке мирными экономическими средствами. Главным идеологом был Витте С.Ю., который навязывал свое мнение силой и определял политику Петербурга в Азии. Его идею экономики как движущей силы внешней политики возродил В.И.Ленин после 1917 г. Сегодня та же идея пропагандируется русскими либералами.

4. Имперское видение военного министра А.Н.Куропаткина. По его мнению, империи должны заниматься не столько завоеваниями, сколько самозащитой. Аннексия чужих территорий не исключалась, но только ради укрепления границы против потенциальных нападений со стороны соседей. Он объединил в своей концепции европейские представления о противостоянии рас, культурный пессимизм и социальный дарвинизм с традиционной идеологией пограничья. Предупреждал о «желтой опасности» (трактовку которой тоже позаимствовал на Западе), сближая расу и религию. Предлагал в XX в. создать «...союз народов белой расы против народов желтой расы и чернокожих. Деление на эти две группы будет близко отвечать и делению на две группы по религиозным верованиям. В одном лагере будут христиане, в другом язычники. По причинам религиозным и политическим, особенно если столкновение белой и желтой рас ознаменуется первоначально успехами желтолицых, магометане могут соединиться с язычниками, чтобы общими усилиями свергнуть иго белолицых христиан. Тогда на каждого христианина будет приходиться два врага не христианина»⁴⁰. Эта идеология сегодня воспроизводится в публикациях об угрозе «исламского фактора».

которых брали к себе на воспитание; за это народ возмутился и умертвил всех этих миссионеров»». Пржевальский Н.М. Путешествия. М., Детгиз, 1958, с.96. Поэтому местное население резонно подозревало русского путешественника в тайных целях путешествия, определяя всех европейцев без различия наций как «заморских дьяволов». В свою очередь Пржевальский сообщал, что местное население крестится исключительно из-за материальных выгод, а «...репутация хорошего стрелка производит на азиатцев чарующее впечатление». Там же, с.177. См. также с.109, 248

⁴⁰ Куропаткин А.Н. Русская армия. СПб., Полигон, 2003, с.351

Таким образом, под прикрытием цивилизации внешняя политика России/СССР воплощала элементы разных идеологий в зависимости от личных пристрастий, конъюнктуры и изменения политического курса.

Иллюзия цивилизации *переплелась с использованием науки для маскировки колониальной политики*. Показательный пример - борьба Англии и России в Средней Азии на протяжении от Петра 1 до заключения англо-русского договора 1907 г. В частности, экспедиция по захвату Хивы в 1839 г. была обусловлена тем, что Перовский хотел, чтобы англичане поглубже увязли в афганской авантюре и не смогли бы протестовать против аналогичной деятельности Санкт-Петербурга по смене властителя в Хиве⁴¹.

В декабре 1864 г. министр иностранных дел России Горчаков распространил меморандум, в котором проводились параллели между отношением России к Центральной Азии и отношением Англии, Франции, Голландии и Америки к их колониальным владениям: «Позиция России в Центральной Азии, - гласил документ, - является точно такой же, как у всех цивилизованных государств, которые вступили в контакт с поселениями полудиких кочевников, не обладающих никакой определенной социальной организацией. В таких случаях более цивилизованное государство, как правило, вынуждено в интересах безопасности своих границ и коммерческих отношений осуществлять некоторое господство над теми, чей буйный и неуравновешенный характер делает их нежелательными соседями. В свою очередь, недавно умиротворенные регионы нуждаются в защите от грабежей племен, находящихся вне закона, и так далее. Вот почему российское правительство вынуждено было насаждать цивилизацию там, где варварский способ правления вызывает страдания народа, и оберегать свои границы от анархии и кровопролития. Такова судьба любой страны, которая оказывалась в подобном положении. Британия и прочие колониальные державы были неумолимо вынуждаемы не столько амбициями, сколько настоятельными потребностями к дальнейшему распространению своих владений. Самая большая трудность – принять решение остановиться. Мы будем признательны, если ведущие государства, у которых меньше нерешенных вопросов и выше организация, установят для нас с географической точностью пределы, на которых мы должны остановиться». На деле Горчаков просто хотел выиграть время для правительства. Российские завоевания не остановились на обещанных Горчаковым рубежах и продвинулись еще дальше на юг»⁴².

Итак, под прикрытием разговоров о цивилизации европейские страны (включая Россию) расширили свои владения. Концепт цивилизации маскировал

⁴¹ «Если бы стали просачиваться слухи о приготовлениях, то экспедицию надлежало официально характеризовать как «научную», направляющуюся для изучения Аральского моря, лежавшего как раз на пути. Действительно, в последующие годы «научные экспедиции» часто служили прикрытием активности русских в Большой Игре, тогда как англичане предпочитали посылать своих офицеров с аналогичными заданиями в «свободный поиск», что позволяло при необходимости от них отречься». Хопкирк П. Большая игра против России. Азиатский синдром. М., Рипол Классик, 2004, с.256

⁴² Хопкирк П. Указ.соч., с.365-366

двойную политику России. После меморандума Горчакова полковник М.А.Терентьев в книге «Россия и Британия в борьбе за рынки Центральной Азии» обосновывал необходимость агрессии. Позицию военных выразил генерал Скобелев после взятия крепости Геок-Тепе. Три дня он позволял пьяным войскам насиловать, грабить и резать. А в оправдание своих действий заявлял: «Я придерживаюсь того принципа, что продолжительность мира находится в прямой зависимости от резни, которую вы устраиваете врагу. Чем сильнее вы на них давите, тем дольше они сидят тихо». Это, утверждал он, куда более эффективный метод умиротворения неприятных соседей, чем традиционный британский, использованный Робертсом в Кабуле: публичное повешение главарей порождает только ненависть, а не страх»⁴³. После аннексии Мерва русские ответили: «это произошло по требованию туркмен, которые пожелали, во-первых, покончить с состоянием анархии, а во-вторых, наслаждаться благами цивилизации»⁴⁴.

Стало быть, концепт цивилизации обслуживал связь дипломатии, шпионажа и военщины: «Это подтверждается другими примерами стратегии двойной политики России. Одна, исходящая из Санкт-Петербурга, была официальной и склонной к компромиссам. Другая, неофициальная и агрессивная, была в употреблении внутри страны, хотя при необходимости всегда могла быть дезавуирована»⁴⁵. В то время граница была неопределенной линией на еще более сомнительной карте. Россия из завоеванных ханств создавала Центрально-Азиатскую империю. После взятия Коканда в 1875 г. оказалось: русские за десять лет аннексировали территорию размерами в половину Соединенных Штатов. Но официальное заявление гласило: царь Александр «уступил пожеланиям жителей Коканда стать российскими подданными». На деле большинство населения выступало как против русских, так и против их местных марионеток. А местные царьки (типа Якуб Бека) стравливали могучих соседей, используя их взаимную ревность, чтобы сохранить свои позиции»⁴⁶.

Духовный неосоветизм – отрывка или состояние общества?

Такая военно-политическая диалектика претерпела модификацию во внешней политике СССР. Эта политика базировалась на двух китах: явном (через Наркомат иностранных дел) и тайном (через Коминтерн и разведку). В середине 1920-х гг. сформировались три главных принципа внешней политики нового государства: 1. СССР – оплот мировой революции; его укрепление равносильно укреплению революционного движения во всем мире; во имя СССР можно жертвовать революциями и партиями в других странах. 2. Мировая война между социализмом и капитализмом неизбежна, поэтому

⁴³ Там же, с.476

⁴⁴ Там же, с.486

⁴⁵ Там же, с.429

⁴⁶ Там же, с.414-417

международное коммунистическое и рабочее движение есть резервная армия СССР. 3. Капиталистические страны – враги СССР, поэтому в их отношении надо проводить такую политику, которая сочетает шпионаж и подрывную деятельность с поддержанием нормальных дипломатических и торговых контактов⁴⁷.

Внешняя политика СССР воспроизвела политику Российской империи. Этот вывод обоснован во множестве исследований. Приведу пару свежих.

Бывший разведчик Э.Генри в середине 1960-х гг. написал записку в ЦК КПСС, но она увидела свет более 50 лет спустя. Я не буду сейчас анализировать подводную часть этого «айсберга» и выяснять идейные, политические, институциональные и конъюнктурные аспекты мировоззрения автора и публикаторов текста⁴⁸. А только покажу, что даже записка позволяет отвергнуть стереотипы советской (и постсоветской) историографии и пропаганды. В целом Сталин проводил политику, которую «...он считал гениальной, выдержанной на уровне самого Талейрана, - политику перекройки карты мира не путем революций, как это предвидел Ленин и как этого ожидало международное рабочее движение, а путем тайного, закулисного сговора с империалистами»⁴⁹.

Такая политика была следствием сталинского ума: «Этот ум, столь натренированный в тактике подспудной внутрипартийной борьбы с помощью органов, в области международных отношений никогда не взлетал выше довольно тривиального восточного талейранства. Мысль Сталина всегда стелилась по земле; отсюда, как и от полуобразованности, ограниченность его политического зрения. Реальным и реалистическим во внешней политике Сталин, как правило, считал то, что лежало ближе всего на поверхности, например, поближе к государственным границам. Он подходил к мировой политике именно так, хотя в середине XX века прежние измерения политической мощи и безопасности великих держав на основе ситуации у их непосредственных границ уже были в значительной мере аннулированы на практике военной и политической техникой». «Вместо большой международно-революционной политики он проводил малую великорусскую политику – ту, которая в сущности исходила из таких же близоруких и давно отброшенных жизнью установок, что старая политика царей». «Он никогда в действительности не верил в рабочий класс, верил только в себя, в

⁴⁷ По этому вопросу существует громадная литература. Укажу одну из свежих книг: Фирсов Ф. Секретные коды истории Коминтерна. 1919-1943. М., АИРО-XXI; М., КРАФТ+, 2007

⁴⁸ Не исключено, что все эти аспекты можно свести к заключительным строчкам заслуженной красноармейской песни:

С отрядом флотским
Товарищ Троцкий
Нас поведет
В последний бой!...

⁴⁹ Генри Э. К вопросу о внешней политике Сталина (записка). Прометей. М., «Русский раритет», 2007, с.33. Недаром Сталин так восхищался Талейраном и даже помиловал сидевшего в тюрьме историка Тарле, который написал книгу о Талейране в расчете на Сталина.

вооруженные силы, в хитрость, да еще в репрессивные органы. А для международной политики репрессивных органов было недостаточно». «Полицейская точка зрения всегда имела немалое значение в отношении Сталина к вопросам и людям международного коммунистического движения»⁵⁰.

В итоге проведения сталинской внешней политики произошло территориальное расширение СССР на западе и востоке. Однако это вызвало ряд следствий: 1. Запрет на народно-демократическую революцию во Франции. В результате – спад революционной волны по всей западной части европейского континента после разгрома фашизма. 2. Восстановление буржуазных режимов во всех находившихся в руках Гитлера европейских странах за пределами зоны советской оккупации. 3. Стремительное возрождение реваншистского германского милитаризма за Эльбой. 4. Заключение военного союза между Западной Германией и великими державами капиталистического мира. 5. Неудача попытки овладения Западным Берлином. 6. Спад послевоенной революционной волны в Италии и Греции, утрата важнейших позиций у Адриатического и Эгейского морей. 7. Распространение политики культа на новые социалистические государства в Европе. В результате – сотрясения внутри новой социалистической системы в последующие годы (мятежи в Берлине и Венгрии, волнения в Польше, разрыв с Югославией, осложнения с Румынией, переход Албании в китайский антисоветский лагерь). 8. Прекращение сотрудничества военных лет между СССР и США, Англией, Францией, переход к длительной и изнурительной «холодной войне». 9. Распространение культа на Азию, поощрение маоцзедуновской диктатуры внутри китайской компартии. В результате в последующие годы – возникновение нового антисоветского лагеря в Восточной Азии и раскол мирового коммунистического движения. 10. Безуспешная атака на национальную буржуазию в Индии, Индонезии, Бирме, Малайе, на Филиппинах. В результате - отсрочка сближения между СССР и азиатским нейтраллизмом. 11. Безуспешная атака на буржуазию Турции и Ирана. В результате – присоединение стран Ближнего Востока в антисоветскому Багдадскому пакту (ныне СЕНТО). 12. Безуспешная атака на японскую буржуазию. В результате – дальнейшее сближение Японии с США. 13. Безрезультатная война в Корее, способствовавшая новому сплочению антисоветских сил в капиталистическом мире. 14. Объединение всех империалистических государств в мировой антикоммунистический блок НАТО-СЕНТО-СЕАТО-АНЗЮС, вслед за окончательным провалом попыток антианглийских кругов в Вашингтоне договориться со Сталиным о прямом американо-советском соглашении относительно Германии. 15. Систематическое дальнейшее ухудшение советско-американских отношений.

⁵⁰ Там же, сс.37-38, 41-42, 73

16. Спад окрепших в годы войны просоветских настроений среди широких масс капиталистического мира в результате внутренней и внешней политики СССР.

Таков баланс. В итоге СССР попал в двойную осаду: антисоветский блок на Западе; антисоветский социализм в Азии. Никакой объективной необходимости попасть в такую осаду не было. Туда завела только внешняя политика Сталина. Поэтому вся внешняя политика Сталина (до и после второй мировой войны) – сплошной провал⁵¹.

На первый взгляд, записка выглядит посмертным политическим иском старого Коминтерновского разведчика «вождю народов и другу физкультурников». Однако О.Гриневский показал, что такая военно-дипломатическая диалектика *воспроизводилась в СССР и после Сталина*. Машина советской внешней политики управлялась с вершины властной иерархии. Каждый день в Кремль поступала кипа телеграмм со всего мира (из посольств, резидентур КГБ и ГРУ). Но для Л.И.Брежнева советники отбирали 1-2 страницы всей мировой информации, сообразуясь с особенностями генсека: тот реагировал только на элементарные житейские ситуации и сердился на любые умные и глубокие обобщения. Вся поступающая информация сводилась к десятку сведений: кто на кого напал; где случилось землетрясение или катастрофа; кто куда поехал, какой скандал с кем приключился⁵².

Глава советской дипломатии А.А.Громыко пришел в большую политику на волне сталинских «посадок» в конце 1930-х гг. Это навсегда лишило его человеческих чувств веры, дружбы, товарищества. Он руководствовался следующими принципами поведения: архиосторожность, стремление быть на стороне сильного, избегал принимать решения, в острых ситуациях ничего не делал – плыл по течению. И в таком направлении учил молодых советских дипломатов⁵³.

Советская военно-дипломатическая диалектика – продукт *личных и институциональных отношений* между Министерством Иностранных Дел, КГБ, Министерством Обороны и Международным отделом ЦК КПСС, который курировал идеологию. С 1950-х гг. МИД конфликтовал с Международным отделом ЦК КПСС, поскольку руководители этих ведомств (Громыко-Пономарев) не терпели друг друга. С шефом КГБ Андроповым Громыко дружил. Независимо от этих отношений СССР проводил двойную политику в отношении сопредельных азиатских стран – Ирана, Ирака, Афганистана.

В этих странах вековые племенные и религиозные распри умножались на нищету народа и амбиции радикальных политиков, которые выступали под лозунгами марксизма, национального возрождения, арабского национализма. Эти лозунги обычно скрывают стремление силовых структур к власти. Молодые политики щеголяли верностью марксизму и цитатами из Ленина – в традициях Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, где они учились.

⁵¹ Там же, с.101-104

⁵² Гриневский О. Тайны советской дипломатии. М., Вагриус, 2000, с.128,14

⁵³ Там же, с.58,88,333

Например, йеменские политики бездумно перенесли в свою страну всю структуру власти СССР: всепроникающий партаппарат, многочисленные органы советской власти, молодежные и другие общественные организации. Но в СССР жило 250 млн., а в Йемене – всего полтора миллиона: «куда ни плюнь – везде начальник, а работать некому и нищета фантастическая. Сорок процентов бюджета страны тратится на содержание армии, не считая расходов на Министерство внутренних дел и госбезопасность!»⁵⁴.

Самый важный пункт воспроизводства сталинской политики после смерти Сталина – *отрицательное отношение советского руководства к революциям* в Иране, Ираке, Афганистане. Данное отношение зависело не от социальных процессов в данных странах, а от контекста противоборства между СССР и США. Американские аналитики на основе анализа иранской революции первыми зафиксировали альтернативу ближневосточных стран: военная или религиозная диктатура. Отсюда вытекала необходимость вмешательства США во внутренние дела. МИД, КГБ и международный отдел ЦК КПСС считали: несмотря на перспективу антиамериканской революции в Иране, «...Советский Союз не имеет к ней никакого отношения и не обладает реальными рычагами воздействия на ситуацию в стране»⁵⁵.

Не менее важное следствие сталинского ума и политики - *вмешательство* КГБ в события. Ю.В. Андропов наладил контакты со всеми группами, которые имели реальные шансы влиять на политику. Первым делом вышел на контакт с окружением Хомейни. Оказалось, что тот очень осторожно относится к любым делам, касающимся Советского Союза. Когда в Иране взяли американских заложников, и США начало готовить их освобождение, СССР официально заявлял протест против вмешательства во внутренние дела Ирана, а на деле одобрял эти действия. В Кремле созревали планы вторжения в Афганистан. Американская акция в Иране могла служить оправданием: ввели войска, чтобы поставить предел американской экспансии. Такую позицию занимал Устинов⁵⁶.

Затем лидеры Ирана взяли курс на экспорт исламской революции: призвали иракских шиитов восстать против «атеистических палачей в Багдаде», а мусульман Персидского залива - свергнуть прогнившие королевские режимы, которые живут по законам «неверного Запада». Во время ирано-иракской войны Международный отдел ЦК выступал за Иран, Министерство Обороны – за Ирак, МИД и КГБ заняли среднюю позицию: военная победа любой стороны может привести к кардинальным изменениям в регионе, которые будут не в

⁵⁴ Там же, с.98, 112

⁵⁵ Там же, с.171. В ответ на инициативы США СССР решил припугнуть американцев. Запустил дезинформацию о серьезных военных приготовлениях на иранской границе. Вашингтон клюнул: с конца сентября 1978 г. американские разведочники стали рисовать картину подготовки массового советского вторжения в Иран. Например, в Специальной оценке национальной безопасности в августе 1980 г. указывалось, что наступление готовится по трем направлениям: из Закавказья, Туркмении и Афганистана. Даже количество войск указывалось – 12 дивизий Закавказского военного округа, 3-4 дивизии Туркестанского военного округа и части 40-й армии из Афганистана. На деле в 1978-1979 годах в этих округах проводились рутинные военно-штабные учения, а не военные приготовления. См.: там же, с.171-173

⁵⁶ Там же, с.176,179

интересах СССР. Одновременно Советский Союз снабжал оружием противоборствующие стороны.

Саддам Хусейн нанес первый визит в Москву 11 декабря 1978 г., будучи вторым человеком при президенте Басре. Незадолго до поездки он обезглавил местную компартию (казнил 21 руководителя, многих арестовал по обвинению в проникновении в вооруженные силы). На заседаниях Совета революционного командования Саддам Хусейн стрелял в тех, кто пытался ему перечить, а потом как ни в чем не бывало продолжал вести заседание. Затем сделал переворот: 22 иракских руководителя были приговорены к смерти, 33 посадили в тюрьму на срок до 15 лет. По его указанию высшие руководители партии и государства лично приняли участие в расстрелах своих бывших товарищей. Так Саддам Хусейн стал президентом. Международный отдел ЦК предлагал отменить его визит. Но Громыко выступил в поддержку визита, мотивировав тем, что «Саддам Хусейн едет в Москву отчитаться о проделанной работе по сплочению арабов в борьбе против капитулянтской политики Садата»⁵⁷.

КГБ докладывал также о возможности свержения Дауда в Афганистане. Но информации ходу не давали, поскольку она не вписывалась в картину представлений об Афганистане. Международный отдел ЦК (Пономарев, Ульяновский) и КГБ (Андропов, Крючков) полагали: Афганистан – отсталая страна, где господствуют средневековые племенные отношения, а весь образ жизни определяется исламом. Поэтому социалистической революции в Афганистане быть не может – она преждевременна с точки зрения объективного уровня социально-политического развития афганского общества и государства.

Апрельская революция в Афганистане застала Москву врасплох. Громыко занял выжидательную позицию, Устинов молчал, Андропов и Пономарев доказывали: Афганистан не созрел для социалистической революции; создание однородного коммунистического правительства приведет к сплочению правой оппозиции, вызовет беспорядки, которые неминуемо повлекут за собой иностранное вмешательство; надо создать коалиционное правительство, в которое должны войти коммунисты наряду с другими партиями, но оставить за собой ключевые позиции – армию, полицию, госбезопасность.

На почве отрицательного отношения советского руководства к революциям в сопредельных азиатских странах возникла *проблема фундаментализма*. После иранской революции Москва впервые столкнулась с исламским фундаментализмом и встала в тупик: что это такое и как к нему относиться? Глава МИДа Громыко не сомневался: «Фундаментализм – это крайне реакционная религия... Мракобесие. Примерно так же оценивало фундаментализм руководство международного отдела ЦК. Пономарев, его

⁵⁷ Там же, с.181-182

заместители Ульяновский и Брутенц в один голос говорили, что это *клерикальная революция* и даже в некотором смысле контрреволюция»⁵⁸.

МИД решил разобраться, поскольку все страны Ближнего и Среднего Востока более-менее охвачены идеями исламского возрождения. Но в Москве специалистов не оказалось. Позвали «ученого из Баку». Тот прочитал апологетические лекции о прообразе «исламского общества», восходящего к Мухаммеду и имаму Али. «Ученый из Баку» считал: путь к обществу исламской справедливости пролегал через внедрение ислама во все поры жизни. Исламская революция призвала свергнуть шаха, освободиться от разлагающего влияния Запада, запретить потребление спиртных напитков, обязать женщин носить чадру. Но отцы-основатели фундаментализма учили, что угроза для истинных мусульман исходит не только от «материалистического Запада», но и от «атеистического Востока». «А в борьбе против одной сверхдержавы не следует опираться на поддержку другой. Надо идти собственным мусульманским путем. Имам Хомейни так и говорил: - Америка хуже Англии, Англия хуже Америки, а Россия хуже их обоих»⁵⁹.

Дипломаты помельче считали: фундаментализм – это возвращение к древним национальным ценностям, которые обеспечат мир, благополучие и процветание; фундаментализм – отряд национально-освободительного движения. МИД решил установить деловой контакт с фундаменталистами, использовать их для вытеснения США и других западных держав с Ближнего Востока. С исламом бороться бесполезно, поскольку он впитался в повседневную жизнь и мировоззрение людей на Востоке глубже, чем христианство на Западе. Но оставались опасения относительно советских мусульман (Центральная Азия, Кавказ, Татария, Башкирия). А поскольку ясности не было, Громыко и Андропов решили ничего не делать, будучи заражены совчанством, которое проявляли вслед за Хрущевым⁶⁰. Громыко и Андропов тоже считали, что в СССР все передовое – наука, культура и даже история.

Афганскую авантюру с самого начала пробивали Суслов и Пономарев, желая присоединить Афганистан к социалистическому лагерю. Начальник Генштаба Н.В.Огарков возражал против ввода войск, ибо регулярная армия не в состоянии справиться с горскими партизанами. Но Устинов привел к тому, что армия была вынуждена поддерживать акции КГБ. Так хвост начал крутить собакой⁶¹.

О.Гриневский считает, что уроков из афганской трагедии не сделано, поскольку за Афганистаном последовала Чечня. Политбюро прикрывалось

⁵⁸ Там же, с.207

⁵⁹ Там же, с.209

⁶⁰ «Хрущев искренне сердился, когда ему говорили, что наша Солнечная система находится на окраине Вселенной. Он видел в этом подвох: как он, руководитель великого Советского Союза, может находиться на задворках?». Там же, с.212

⁶¹ Там же, с.298,299,309

немошным Генсеком и превратилось в большое боярское гнездо, где каждый владел и управлял своей вотчиной. Согласие строилось на круговой поруке: ты не лезешь в мои дела – я не лезу в твои. На этой основе принимались главные политические решения. В этом боярском синклите никто друг другу не доверял, между собой не общались, но следили, чтобы никто не посягнул на их вотчинные владения. Лишь Андропов, Устинов, Громыко держались вместе, определяли военно-политический курс государства и никого к этому не подпускали.

Политические взгляды «тройки» были таковы: Устинов занимал левый фланг, уповая на силу, а разговоры о разоружении, политических и дипломатических средствах укрепления безопасности считал пустой болтовней для научных симпозиумов; Громыко занимал правый либеральный фланг, не оспаривал значение военной силы, но считал, что безопасность должна строиться на сочетании военных и политических акций; Андропов находился в центре. Громыко выступал генератором идеи компромисса с Западом, но при выработке конкретных позиций никогда не конфликтовал с военными, особенно если Андропов был на их стороне. В то же время поощрял заместителей на бескомпромиссность в отношениях с МО и КГБ. Если не удавалось выработать общую позицию, соглашался с военными, полагая, что на них лежит главная ответственность за оборону страны⁶².

Резюме

Из всего сказанного вытекает повод для дальнейших размышлений о нынешнем рынке идей в России. А я пока ограничусь банальностью: все указанные интеллектуально-политические моды скрывают влияние дипломатических, военных и разведывательных агентств на реальную политику и процессы производства идей. Отсюда вытекают вопросы, почти не осознанные отечественным научным сообществом: следует ли считать такое влияние нормой или аномией (в смысле Э.Дюркгейма) или аномалией (в смысле Д.Норта)? свободны или несвободны люди, которые подчиняются данным модам и бездумно (иные – вполне осознанно) строят историософские, геополитические и культурно-цивилизационные тексты? можно ли идти против течения в мире интеллектуально-политических мод или лучше уподобляться «ученому из Баку» в московской или ростовской разновидности?..

Статьи данного номера могут рассматриваться как этап на пути осознания данной проблемы.

---

⁶² Там же, с.333-334